

## **НАРКОМАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ И САМОГО СЕБЯ. ЧАСТЬ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ПОМОЩЬ ПРИ НАРКОМАНИЯХ<sup>1</sup>**

**Арпентьева М.Р.**

*Арпентьева Мариям Равильевна*

*доктор психологической наук, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии развития и образования; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», ул. Степана Разина, 26, Калуга, 248023, Россия. Тел.: 8 (4842) 57-80-38;*

*ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического воспитания; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Югорский государственный университет», ул. Чехова, 16, Ханты-Мансийск, 628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Россия. Тел.: 8 (3467) 357-871.*

*E-mail: mariam\_rav@mail.ru*

**Аннотация.** Одна из деструктивных реакций на социальный кризис — утрата смысла жизни. Данное нарушение возникает как результат стремления человека стать лучше и сделать мир лучше, а так же из-за понимания того, что даже те, кто находятся рядом с ним и транслируют данные цели как общие, не только не становятся «лучше», но демонстрируют поступки и отношения, переживаемые человеком как предательство духовно-нравственных ценностей, предательство самих себя и окружающих людей. Социальный кризис и нестабильность в общественных отношениях ведут не только к разочарованию в себе и людях, но подчас к отчаянию в возможности найти истинные, непреложные ценности — как основы бытия и осмысленности жизни, отчаянию в возможности найти в мире людей «истинно верующих», живущих по законам любви. Эти процессы часто приводят людей к наркоманиям, лечение которых необходимым образом должно сопровождаться помощью в восстановлении смысла жизни.

**Ключевые слова:** наркомания; смысл жизни; вера; отчаяние; разочарование.

УДК 159.923:616.89-008.441.13

### **Библиографическая ссылка**

Арпентьева М.Р. Наркомания и социальная нестабильность: в поисках смысла жизни и самого себя. Часть 2. Психологическая и духовная помощь при наркоманиях // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 6. – С. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-16050

*Поступила в редакцию: 11.06.2018    Прошла рецензирование: 09.10.2018    Опубликовано: 28.12.2018*

### **Введение**

Личность наркомана — личность, полагающая себя свободной от социальных запретов и сфокусировавшаяся на своих правах, а также отказавшаяся от своих обязанностей и игнорирующая реальную ограниченность своего бытия в виде отдельного и отделенного от общества индивида, который все более деградирует как духовное, социальное и физическое существо, по мере того, как втягивается в процесс реализации собственных желаний [17]. Наркоман — человек, отказавшийся от развития и отвергший духовно-нравственные ценности, позволяющие развиваться и выживать в самых сложных обстоятельствах. Это произошло потому, что человек не смог сформулировать и/или реализовать смысл своей жизни, потому что он выбрал трансгрессивную, а не трансцендентную линию бытия. На этом пути многие люди ищут

\* Часть 1 читайте в номере 5(52) 2018 г.

помощь, однако многие просто погибают, не нужные обществу, семье, самим себе. Задача профилактики и коррекции наркоманий и иных аддикций выходит за рамки работы и жизни одного специалиста, но и один — врач, психолог, педагог, священник, социальный работник — может многое, если его деятельность направлена на причины «болезни», а также позволяет человеку нащупать искомый смысл и пути его реализации.

## **Обсуждение результатов исследования**

### ***Психологическая и духовная помощь при наркоманиях***

Проанализировав с помощью феноменологического метода особенности речи («сленг») наркоманов, мы увидели, что многие из понятий, употребляемых людьми, страдающими от наркологических зависимостей, включены в повседневную жизнь российского общества, но они остаются непонятными вне их целостного анализа, в том числе в контексте описания процессов и результатов наркоманий, своеобразного «нарратива наркомании» [4; 68] (см.: Приложение № 1). Было выявлено, что нарратив наркомании практически полностью сложен, он развернуто и многоуровнево описывает процессы вхождения и ассимиляции человека в группу наркоманов, формирование, развитие зависимости, попытки выхода из нее и сопутствующие изменения в отношении с собой и миром, ценностных смыслах деятельности. Имеющиеся знания не только полностью совпадают с научными, но и дополняют их важными нюансами и механизмами, на которые нужно обращать внимание специалисту. Вместе с тем, некоторые важные моменты, позволяющие людям выйти из зависимости, «соскочить», не отражены или отражены неполно: выздоравливающих не так много, с одной стороны, а выздоровевшие не контактируют с оставшимися в группе, с другой. Поэтому опыт данной группы лиц относительно преодоления зависимости остается фрагментарным и не содержит путей выхода. Таким образом, помощь «со стороны» необходима: это и взаимопомощь в рамках групп типа «анонимные наркоманы/алкоголики/курильщики» с их общим опытом преодоления, и помощь специалистов, имеющих большие или меньшие успехи на этом пути. Необходима подготовка специалистов и обмен опытом успешных исцелений.

Психотерапевтическая, консультативно-психологическая, социальная и иная работа с наркозависимыми должна быть направлена на развитие, всеобъемлющую трансформацию образа жизни: отношений и ценностей, понимания себя и мира и изменение моделей взаимодействия человека с миром: «подлинное исцеление от наркомании возможно только в процессе преобразования человека, зависимого от наркотиков, при изменении его сознания, образа жизни, ценностной и смысложизненной ориентации... как сознательное и целенаправленное развитие человеком самого себя и смена им своего основного жизненного вектора, как кардинальное преодоление сложившегося образа жизни... в соответствии с выстроенной иерархией ценностей и обретенным смыслом индивидуального бытия» [6, с. 95]. Естественно, что такое преобразование не может опираться на частичные и антинаучные меры, но должно быть системным во всех смыслах этого слова. Поэтому, например, в работах групп Анонимных наркоманов, в деятельности семейных психотерапевтов России и зарубежья (М.С. Палаццоли, Б. Хеллингер, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис и др.), в работах успешных целителей (Л. Виилмы и С. Лазарева) отмечаются сходные аспекты [11; 20; 41]. Так, особенно подчеркиваются моменты, связанные с освоением человеком родового и общесоциального опыта, культуры человеческих отношений и жизни в целом: семья дает человеку опыт совладания с трудностями как опыт их принятия, любви или не дает его, транслируя модели разрывов и отвержений, «запутанных клубков» и десакрализации, выбора тактических (фиктивных, инструментальных), а не стратегических (терминальных, целевых, истинных) ценностей, социопатий и психопатий. Общество дает человеку возможность прикоснуться к различным аспектам многовековой человеческой культуры: множество поколений людей самых разных

этносов и религий объединило в нравственных принципах бытия основные знания и умения выживания и развития. Эти знания и умения необходимы каждому, особенно в моменты макросоциальных кризисов.

Помощь — психолога, врача, духовного наставника, семьи — может быть очень полезной, но решает человек все сам. Он сам усваивает или не усваивает знания и умения. Он сам не выбирает или выбирает долг и благодарность, он соблюдает пост и формулирует запреты, он ориентируется на понятия чести и восстанавливает достоинство, а значит, и культуру. Главная его задача — наполнить окружающий его и находящийся внутри него экзистенциальный вакуум. Этот вакуум заполняется лишь постижением и исполнением действительных нужд человека и общества, отказом от сиюминутных желаний, жертвованием ненужными желаниями в пользу нужд, наполняется даром человека миру, его благодарностью за любовь и поддержку и ответной любовью и поддержкой.

Неудивительно поэтому, что исследователи отмечают многочисленные этические и идеологические проблемы реабилитации наркологических больных: наркомании являются одними из наиболее сложных для научных и практических исследований объектов именно в их сущностном, ценностно-смысловом плане. Возникло интересное движение в науке и практике: отказ сообществ от наркоманий и развитие собриологии [7; 23; 47]. Собриология, или сабриентология, — наука, исследующая явления, негативно влияющие на человеческое сознание, включая исследование тенденций и закономерностей жизнедеятельности сообществ, в котором трезвость является жизненно значимой нормой и ценностью граждан, а применение психоактивных веществ сведено к безопасному для прогрессивного развития личности и общества минимуму. В реальности, зависимый в процессе психотерапии не только трансформирует свое отношение к наркотику и его употреблению, но и пересматривает все представления о собственном поведении, свои взаимоотношения с другими людьми, самопонимание и миропонимание, системы ценностей, избавляется от неэффективных психологических защит, барьеров и блокад развития и отношений с миром [46]. В целом проблема трезвости, как подчеркивают свои усилия в сфере собриологических разработок украинские исследователи, — одна из ведущих проблем современных сообществ. Наркомании и иные аддикции разрушают общество и возникают как результат его разрушения, рождая «замкнутый круг», выход из которого — нравственная трансформация и людей с данными нарушениями и общества в целом.

Помощь человека человеку, общества и государства человеку ускоряет эти процессы во много раз, но на сегодняшнем этапе люди, страдающие от наркоманий, либо остаются в одиночестве, либо им помогают лишь семья и специалисты [4; 68]. Часто и традиционно помощь может прийти от священника: религиозные сообщества христиан, мусульман, буддистов, индуистов и других. столетиями активно и продуктивно помогают страдающим. Эта работа трудна и требует высокой компетенции, которая не всегда есть у окружающих. Поэтому, как отмечают В.В. и Н.В. Батищевы и иные исследователи, наркоманы часто становятся жертвами сект и организаций типа «Синтон», «Лайфспринг» и «Фиолетовые» [5; 15; 35]. «Первой ласточкой» в России в этом плане стали организация «Наркокон» — ответвление Сайентологической церкви Р. Хаббарда, и СКЦ «Опора» — ответвление религиозной организации «Адвентисты седьмого дня»; но целенаправленная работа с наркоманами как одной из наиболее уязвимых социальных групп в России и мире уже давно ведется религиозными организациями разных типов, включая деструктивные, тоталитарные секты. «Если раньше эти структуры были нацелены на охват лиц с соматической и психиатрической патологией, то теперь идет широкое освоение контингента желающих лечиться от различных форм зависимости» [5, с. 55–56]. Батищевы провели анализ одной из программ М. Мюррей «по работе с насилием» как с причиной наркоманий [25]. Разработанный ею семинар отвечает понятию «манипулятивной системы с элементами, свойственными тоталитарным сообществам и... деструктивным культам» [5, с. 55]. Метод М. Мюррей, как и многие иные методы работы с наркоманами в рамках тоталитарных

сект, представляет собой псевдопсихологическую эклектическую манипулятивную технологию [5; 35]. Он, как кажется, предполагает помощь в поиске смысла жизни травмированному жизненными обстоятельствами человеку. Но на самом деле не содержит почти никаких реальных психотерапевтических средств, больше обещая, чем давая. В рамках этой и иных сект человек вместо помощи в исцелении уже имеющихся травм получает новую, подчас более разрушительную травму, у него возникает или усиливается состояние расщепленности. Как и М. Мюррей, многие исследователи обращаются для описания данных расщеплений и работы с ними к модели, разработанной трансактным анализом [17; 25]. Так, И. Мишель рассматривает трансактную модель культовой травмы [3; 9]. Он исходит из того, что в основе культовой травмы — нарушение трансакций, диалога между аспектами индивидуальности и, соответственно, возникающая специфика жизненной позиции личности, приводящая к кризисности или выхолощенности жизненных смыслов, экзистенциальной неисполненности, опустошенности. Описывая свое состояние до вступления в группу, сектанты (наркоманы и «обычные» люди) говорят о страхе, который охватывал их — они тяготились своим «ненормальным» состоянием души, стараясь подавить стремление к поиску смысла жизни, пытались, чтобы «не сойти с ума», погрузиться в повседневную реальность, которая «грозила от них ускользнуть». Традиционной моделью трансформации личности в рамках культовой травмы является модель удвоения личности Р. Лифтона, разработанная на основе изучения жертв нацистского концлагеря Аушвиц [17]. С точки зрения медицинского работника она существенно, сущностно отличается от аддиктивного расщепления личности у зависимых лиц. Однако, с точки зрения своих функций, расщепление или «удвоение» и в том, и в другом случае связано с попытками пережить внутреннее расщепление как результат трансгрессии (отказа от жизненных ценностей, десакрализации и подмены их «фиктивными», псевдоценностями). Удвоение происходит обычно в момент резкого обострения внутриличностного конфликта, когда человек понимает, что его поступки и отношения противоречат выработанным им в течение жизни внешним, транслируемым группой принципам. Новое поведение, реально поощряемое деформированным режимом отношений в «системе», радикально отличается от сформированной до вступления в нее модели и даже часто от того, что внешне предписывается самой моделью. Удвоения позволяют выжить в экстремальных ситуациях, в ситуациях непонимания и дезориентации, но не могут быть вечными. Преодоление внутренней и внешней расщепленности жизни дает возможность поиска смысла жизни. М. Сингер и Л. Дж. Вест отметили также роль символического предательства и отказа от себя, семьи и ранее поддерживаемых ценностей, целенаправленно создаваемого или происходящего автономно и приводящего к увеличению психологической дистанции между человеком и его предыдущим образом жизни [Там же]. Одно из проявлений этого предательства — макиавеллизм (использование манипулятивных техник в процессе межличностного взаимодействия, циничное отношение к другим людям как к слабым и зависимым от социального давления, игнорирование нравственных принципов, когда они мешают достичь желаемого результата, как неверие в мораль и вера в то, что люди изначально лживы и порочны), а также сопутствующие ему нарциссизм и социопатизация личности [56; 58; 63; 71]. Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия как субклинические черты образуют синдром, названный учеными «темной триадой», которая обнаруживает связи с асоциальным поведением и склонностью к насилию и социальной доминантности (dark triad of personality). При этом душевное состояние члена группы может ухудшаться, а способность понимать себя и мир притупляется, хотя имитационные способности могут даже развиваться: человек ловко обманывает мир, но не способен обмануть себя. После того как человек разочаровывается в отношениях в группе и в ее идеологии и смыслах, беспокойство вновь, но еще мучительнее, оживает. Человек чувствует себя ничтожным и уничтоженным: его прежняя жизнь становится прошлым, сном или «шелухой». Однако новый смысл не появился, а нравственный кризис углубляет переживание, приходят вина и раскаяние за прошлые свои дела. Самоосуждение, пришедшее на смену

осуждению людей — сначала вне группы, а потом в группе, — приводит к унынию. Чувство вины — самобичевание — может быть связано с тем, что человек упрекает себя в том, что долгое время «обманывал» не только себя, но и других, он переживает вину перед Богом за то, что хоть и неосознанно, но занимался «богохульством», отрицанием жизни. В таком состоянии нередки идеи о самоубийстве как о логическом разрешении внутреннего краха. Иногда возникает духовное пробуждение: осознание ценности жизни, жизнеутверждения посредством практик социального служения и т. д. Человек вовлекается в жизнь, помогая другим, и в этой помощи находит утерянные смыслы, осознает и восстанавливает значимость нравственных ценностей. Оно является исцелением: человек учится верить в себя, происходит «духовное очищение от скверны, которому сопутствуют потоки... радости и деятельной силы, что приносит чудесное состояние освобождения» [2, с. 119]. Внутренняя борьба и ее страдания, невроты и физические болезни могут внезапно и быстро исчезнуть. Но без поддержки духовного наставника (пастыря) или психотерапевта обычно обойтись сложно. Поэтому перед психологом стоят задачи, связанные с тем, чтобы вернуть человеку уверенность в себе, желание жить и стремиться к достижению целей, умение контролировать ситуацию и свою жизнь, умение строить взаимоотношения с людьми вне группы и новые отношения с группой, умение критически оценивать сложившиеся или возникающие ситуации, противостоять групповому и нравственному давлению, отстаивать себя, свои права и позицию, быть независимым. Психолог должен помочь понять этим людям, что стремление к совершенству и самоотвержение связаны с ненужными тратами духовных сил и энергии. Огромную роль играют близкие и родственники, которые могут поддержать человека в сложный переходный период, пока человек не оставил полностью интересов и привязанностей, связанных с неудачными поисками (трансгрессией), не адаптировался к нормальной жизни, ресакрализовавшись и ресоциализовавшись, не утвердил новые, гармоничные личностные позиции, позволяющие прийти к истинной трансценденции, преодолев переживания «экзистенциальной тревоги» и комплекса неполноценности [2].

Особенно интересен в этом контексте опыт стран Востока, например, найкан-терапия, разработанная для работы с наркозависимыми, преступниками и иными психосоматически и психически (с точки зрения западного психолога) больными и «отклоняющимися» людьми, в том числе в контексте поиска личностного роста и/или духовного развития. Основываясь на восточной традиции, в том числе на верованиях буддизма, найкан представляет собой структурированный метод интенсивной медитации человека на свою жизнь: её взаимосвязи, ошибки и провалы в ней, достижения и успехи [60; 64; 65; 69]. Найкан построена на предпосылке, что существование человека поддерживается всем миром — бесчисленными конкретными способами, хотя мы принимаем это без особой благодарности или осознания вклада других в наше повседневное существование: подавляем в себе признание этой поддержки, поскольку боимся оказаться обязанными и лишиться хрупкого чувства самодостаточности в результате переоценки значимости и изолированности нашего индивидуального существования («чувства собственной важности», гордыни и ревности и т.д.). Целью терапии является повышение осведомленности о себе, а также признание без осуждения. Подобно морита-терапии и другим восточным подходам и практикам, основное внимание уделяется прежде всего трансперсональному и экзистенциальному уровню. Специалисты очень мало полагаются на попытки осмысления или трансформации собственно «физической» и «психической» патологии: последние рассматриваются как следствия духовно-нравственных нарушений и корректируются «автоматически», по мере исправления ошибок в отношениях с миром и собой. Терапия найкан позволяет человеку осознать, что он несет ответственность за то, как относится к другим людям и их окружающей среде. Она помогает человеку воссоединить свою личность с социумом. Нарушения возникают, когда нарушается принцип «атае» (взаимности): человек перестает переживать и представлять себя включённым в сообщество, отчуждается от него. Таким образом, найкан выделяет продуктивную

сторону взаимной зависимости людей, учит правильному обращению с отношениями между людьми. Этот подход, несомненно, близок подходам отечественной психологии, в частности, идеям школы В. Мясищева, а также экзистенциалистским рецепциям взаимосвязи человека и мира в работах В. Франкла, Э. Фромма и других исследователей межличностных и социальных отношений человека. Самое захватывающее путешествие — открытие собственной личности: каждый аспект этого мира является частью человека, уникальным и индивидуальным образом. Самое важное — осознание своей ответственности и связи с людьми, понимание того, что мир постоянно поддерживает человека. Найкан-терапевт проводит работу следующим образом: 1) предлагая понимание самодеструктивного поведения, сосредоточившись на его проявлениях и преувеличивая их; 2) путем отсечения «жесткой хватки мышления» («tight grip of thinking»), его оценок поведения путем перенаправления внимания, его тренировки видеть иное («retraining attention»); 3) путем создания интегрированного гипоталамического ответа («integrated hypothalamic response»), снижающего симпатическую активность [64; 69]. При этом, как и в работах Б. Хеллингера и семейных консультантов Италии, наиболее распространенной темой, которая возникает во время медитации и консультирования, является отношение между клиентом и его родителями: в процессе развития люди часто формируют искаженные понимания других людей персоны и/или разрушительные отношения с ними («distorted personae and/or destructive patterns») [41]. Травмы и прошлые неудачи не могут быть просто забыты, их нужно переосмыслить как важный жизненный опыт, отнестись к ним с точки зрения не обывательской, а экзистенциальной, в том числе нравственной.

Интересны в этом контексте современные философские исследования аддикций и девиаций, например, в работах С.С. Хоружего и его последователей. В этих работах интегрируются психологический, социальный и духовный контексты проблемы, а сами наркомании рассматриваются в контексте представления о трансгрессии и трансценденции. Трансценденция как реализация принципа предельности подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение синергий, преобразующих человека, размыкающего свою жизнь как тела или личности до жизни общества или души. Трансгрессия может быть как более или менее упорядоченной, так и полностью хаотичной: сама идея отказа от ценностных оснований нарушает «принцип органа», подразумевающий, что каждое событие трансценденции или размыкания мира в себя или себя в мир подчинено строгим требованиям к содержанию и процессу, соответствия их формы и содержания, что позволяет понимать себя, сохраняя непрерывность и целостность жизненного потока не только в состоянии духовного делания, психотерапевтического диалога и т.д., но и в повседневности. С уходом тоталитаризма нравственный кризис не ушел, но только изменил свои проявления. Процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания системы запретов и предписаний и следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую и сверхсоциальную сферу, которая и будет ничем иным, как сферой сакрального, Божественного. Сакральное, таким образом, осуществляет связь между внешним принуждением, исходящим от социальной среды, в которую включён данный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать те запреты и предписания, которые эта социальная среда навязывает ему. Индивид, входящий в данный социум, должен не просто подчиниться его воле, но и внутренне согласиться с ней. Иными словами, он должен принять те ценности, на основании которых выстроены данные запреты и предписания. Только при согласии большинства членов социума в принятии данных ценностей социум сможет функционировать как таковой, при отказе от ценностей сверхчеловеческого уровня общество разрушается. В жизни каждого человека происходит борьба на понижение или повышение: С.С. Хоружий, анализируя становление «постчеловека», отмечает необходимость осмыслить опасность современной антропологической ситуации, состоящей в активной и разносторонней игре человечества «на понижение» (самого

себя), трансгрессию и разрыв человеческих, братских или дружеских отношений (отношений любви), их замены отношениями потребления (власти и использования). Человек дарит человеку понимание себя, своей сущности, и в дар он ждет такого же подарка. Другой стороной ценностно-осмысленного, нравственного отношения выступает свобода: там где нет нравственности, нет любви и свободы, но возникает сплоченность, «система» как вариант насильственной синергии (термин С.С. Хоружего), «связанность одной цепью». «В «сплоченности» нет личного внимания друг к другу и участия, уважения, нет свободного и добровольного единства с другими — свободными [43]. Однако с начала времен «человек приучался нести не только физическую, но и метафизическую нагрузку, и прежде всего заботу» о «вечных ценностях», «все то, что сегодня люди сбрасывают с себя в погоне за собственным комфортом» [42, с. 709]. Имитации возникают там, «где метафизические явления понимаются предметно, овеществляются: где «вечные ценности» — «не более чем предмет, который можно повторить... где сознание отказывается идти на риск» [Там же] — риск изменений и понимания, риск встречи и любви, риск неопределенности и выбора и т.д.

Смысл жизни формирует система базовых ценностей личности, присваиваемых ею в процессе воспитания и обучения, построения отношений и деятельности. Смысл жизни, его наличие и реализация как трансценденция — признак личности, включенной в социум, культуру, мир. Насыщение жизни ценностями все более высокого порядка обогащает и продлевает жизнь, придавая ей качество исполненности, осуществленности [58; 59]. Творчество культуры оказывается творчеством самого себя, выходом за границы самого себя и постижением единства личности и мира. Отсутствие смысла жизни, трансгрессия ценностей и смысла жизни как такового — признаки личности, не нашедшей себя в мире. Ее взаимодействие с культурой и обществом деструктивно. Исчерпание все более примитивных ценностей ведет к исчерпанию жизни, к ее неполноте и неосуществленности. Разрушение культуры оборачивается саморазрушением, переживанием фиктивности мира и самого себя. Одно из типичных нарушений на этом пути — наркомания, предполагающая более или менее тотальное осмеяние и дереференцию жизненных ценностей, смысла жизни.

### **Заключение**

Процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания системы запретов и предписаний, следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую и сверхсоциальную сферу, сферу духовно-нравственную, которая есть не что иное, как сфера сакрального, Божественного. Сакральное, таким образом, осуществляет связь между внешним принуждением, исходящим от социальной среды, в которую включён данный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать запреты и предписания, которые предлагает ему социальная среда. Однако он может отказаться от присвоения: десакрализация, или трансгрессия, — один из феноменов, рассматриваемых в экзистенциализме, — сопровождается процессом «плюрализации» [42; 43].

Благодаря плюрализации запретов и предписаний трансгрессия приобретает две формы: позитивную (трансцендирующую, ресакрализирующую) и негативную (десакрализирующую, трансгрессивную в узком смысле слова). «Вектор (тренд) трансгрессии» и «вектор трансценденции» часто совпадают там, где трансгрессия обретает форму ресакрализации: поиск «иного» оказывается отказом от десакрализованного и потому ставшего «чужим» «своего». И, напротив, там, где десакрализация не завершается обретением новых ценностей, трансгрессия остается негативной, усиливающей десакрализацию. Трансценденция как реализация принципа предельности (достижение осознания и реализации высших ценностей) подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение и проживание синергий, преобразующих человека, размыкающего

свою жизнь как тела и личности до жизни общества и души. Трансгрессия, напротив, предполагает избегание активной душевной и духовной работы, в том числе работы по поиску и реализации смысла жизни, работы по коррекции своих отношений с обществом с попыткой заменить или отложить эту работу при помощи изменяющих состояние сознания и тела и понимание себя и мира препаратов.

Особенно важной сферой действия этих двух тенденций бытия человека выступает сфера, непосредственно связанная со смыслами человеческой жизни. Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни — врожденная, имманентно присущая человеку тенденция, она присуща всем людям и является основным двигателем жизнедеятельности и развития личности, в том числе самореализации как трансценденции. Нарушенный или деформированный смысл жизни, смысл, отрицаемый как таковой или нацеленный на разрушение, очевидно трансгрессивен и ведет личность к разрушению.

Больные алкоголизмом и иными наркоманиями — это часто люди, потерявшие смысл жизни. Множественные деформации трансгрессивного типа, в том числе потерю веры в жизнь и людей, в самого себя и высшие ценности жизни, чувство безнадежности и отчаяния можно исправить путем рефлексивной и/или деятельной трансформации навязчивых представлений и переживаний «богохульного содержания», отрицающих значимость и ценность жизни, обвиняющих и критикующих жизнь и самого себя, то есть путем переориентации с жизнеотрицания на жизнеутверждение в процессе выполнения социально и индивидуально значимой деятельности, в частности — как это традиционно используется в лечении наркомании — в трудовой деятельности [21; 37]. Единственное, что нужно уточнить, — желательнее выбрать деятельность, в которую будут включены или даже будут преобладать элементы деятельности благотворительной, волонтерской, деятельности социального служения. Бескорыстный труд и помощь страдающим людям помогают больному увидеть не уникальность своих проблем, избавиться от эгоцентризма, а также пережить значимость нравственных ценностей, их восстанавливающий и оберегающий смысл. Важно также учитывать, что внутренне многие пациенты рассматриваемой группы обладают особой сензитивностью в отношениях, способны глубоко чувствовать и переживать, готовы к самопожертвованию во имя идеи, Бога, находятся в поисках смысла жизни и предназначения, нравственных и духовных основ мироздания и отношений, это часто люди-философы, люди мыслящие, а не «пустые люди» [40; 44]. Их личность «амбивалентна» в том смысле, что они нуждаются в выборе продуктивной, жизнеутверждающей направленности, в наличии смысла жизни, позволяющего справляться с трудностями и кризисами ординарного и трансординарного типов. Поэтому если их внутренняя потребность в осмысленности жизни, в нравственных ценностях будет поддержана извне, специалистами и семьей, они могут выздороветь стремительно и полно. Обычно же социальный кризис, двойственность и нестабильность общественных отношений, включая «двойные стандарты» в отношении обладающих наркотическим действием веществ и их употребления, ведут не только к разочарованию в себе и людях, но подчас к тотальному отчаянию в возможности найти истинные, непреложные ценности как основы бытия и осмысленности жизни, отчаянию в возможности найти в мире людей «истинно верующих», живущих по законам любви. Эти процессы часто являются причинами наркоманий как ярких причин «социальных заболеваний», лечение которых необходимым образом должно сопровождаться помощью в восстановлении и реализации смысла жизни, десакрализацией. Наркомании как попытка преодоления конфликта ценностей в периоды социальной нестабильности побуждают человека, дают хотя и иллюзорную, но возможность управлять поисками смысла жизни и самого себя. На этом пути человек реализует либо стратегию трансгрессии и десакрализации, ведущую к саморазрушению и разрушению мира и культуры, либо стратегию трансценденции, ведущую к ресакрализации и восстановлению и развитию человека, общества, культуры.



## Приложение 1

### **Особенности речи («сленг») наркоманов**

Речь наркоманов образует своего рода «нарратив наркомании» [4; 68]. При анализе речи наркологически зависимых лиц мы можем увидеть, что до попадания в алкогольную или иную зависимость человек часто страдает от отсутствия чего-то неопределенного — «то, не знаю, что», поэтому к нему приходит чувство нереальности, суетности и никчемности будничной, повседневной жизни, ее забот и нужд. Повседневные интересы, которые занимали человека, теряют свою ценность. Человек начинает размышлять о смысле жизни и часто оказывается в рядах групп наркоманов: кто-то попадает в «духовки» или группы «духарей» (групп искателей эзотерической/духовной истины — «духовок»), кто-то — в группы относительно устойчивых, кто-то — в асоциальные группы, а кто-то попадает в группы к «вербовщикам» и иным членам «групп смерти» (побуждающих к индивидуальным или массовым суицидам и/или террористической деятельности.) Лидеры и члены группы, «подсаживающие» и «вербующие» в «систему» новичков, утверждают, что предлагаемые ими средства способны удовлетворить или заменить все желания новичков. У тех, кто разочаровывался и выбывал из «системы», из секты (организации), из группы «духарей» и алкоголиков, прогрессируют состояния неуверенности в себе и неудовлетворенности жизненной позицией, депрессии и астения, неврозы и иные психологические расстройства. Экзистенциальный кризис, в котором переживается экзистенциальный вакуум или экзистенциальная неисполненность, порождает проблемы в семье, на работе. Таким образом, человек переживает состояние психофизиологической и духовно-нравственной «ломки», «отходняка»: другие, в том числе те, общение с которыми ранее могло приносить «кайф» подтверждения значимых ценностей и иные удовольствия (удовлетворение желаний), воспринимаются как «разрушители» кайфа и покоя, «кайфоломы». Но еще задолго до «ломки» человека «кумарит» переживаемое и осознаваемое приближение конца — расставания с очередной иллюзией осмысленности и наполненности жизни. Человек отвечает на это состояние попытками усилить «дозу», в том числе путем большей активности и включенности в жизнь группы, более целенаправленного и яростного отстаивания рушащихся идей и ценностей. Возникает состояние аддиктивного расщепления личности: даже в состояниях прогрессирующего падения и «замучивания», бегства за желаниями человеческое, нравственное понимание происходящего, ненужность и деформирующий смысл бесконечного беспокойства по поводу неважных, хотя и приносящих удовольствие вещей побуждают человека раскаяться и исправить ошибку. Однако попытки раскаяния становятся все слабее, развивается внутриличностный конфликт, который подавляется «дозой» и обнаруживается при каждом очередном завершении «кайфа». Но лишь после полного выхода из группы/ситуации человек может преодолеть такое расщепление. В процессе же принятия наркотиков химической или «духовной» природы человек наслаждается состоянием, обозначаемым в языке наркоманов словом «(за)мутить»: «замутить» — это длительный и всецело «захватывающий» человека или группу процесс, вызывающий удовольствие и предшествующий приему наркотика. Он включает ряд стадий, от легких позывов типа «топотунчиков» и иных проявлений беспокойства (стрем, стремопатия), возникающего, когда человек остается один и без «дозы» химического или иного типа, от решения выйти на поиск наркотика или совершить «духовное деяние» до момента употребления наркотика и выполнения «деяния» с целью «оттянуться по полной» (расслабиться, получив передышку от навязчивых людей и собственных переживаний и представлений, побуждающих осознать ошибочность актуального способа жизни) и пережить состояние «таски», кайфа. Удовольствие побуждает человека «наварить кайф» — передозировать наркотик, а значит, столкнуться с негативными последствиями зависимости. Выход из этого состояния наркоман часто видит в том, чтобы «перебить»: 1) произвести повторную, более удачную инъекцию; 2) сменить группу или статус в группе (стать «центровым», «чалым», пользующимся наибольшим авторитетом и имеющим более легкий и

налаженный доступ к наркотикам и наставляющим, в силу «многоопытности, остальных т.д.); 3) изменить ценности и т.д. Это делается, чтобы продолжить «торчать» (бесконечно получать удовольствие, не сталкиваясь с неудовольствием). Это есть неприятие себя и мира вместе с отвержением долга и благодарности, ограничений и запретов, чести и достоинства, культуры. Поэтому данная тактика приводит лишь к тому, что человек еще глубже и полнее «садится в систему», и чаще всего переходит в ряд не «центровых», а отверженных: начинает «чалдонить» и опускается до «ханьги» или «хмыря». «Выйти всухую», пережить в осознанно выбранной изоляции «ломку», «починиться», взяв на себя ответственность за собственные решения, — единственно правильный выход, но он требует огромной силы, которой у человека может уже не быть. И часто не известно, от какого наркотика — химического или духовного — избавиться сложнее.

### Литература

1. Александров Д.Ю., Булыгина И.Е. Системы ценностей больных наркоманией // Материалы IV съезда психиатров, наркологов, психотерапевтов, медицинских психологов Чувашии / науч. ред.: А.В. Голенков. – Чебоксары: Чуваш. гос. университет им. И.Н. Ульянова, 2010. – С. 321–323.
2. Ассаджиоли Р. Типология психосинтеза: семь основных типов личности. Духовное развитие и нервные расстройства / пер. с нем. – М.: Урания, 1995. – 124 с.
3. Ахмеров Р. Динамика продуктивности жизни в самосознании у больных алкоголизмом и наркоманией // Современные проблемы психологии и управления: сб. науч. статей. – Набережные Челны: Институт управления, 2004. – С. 61–78.
4. Баймухаметов С. Сны золотые. Исповеди наркоманов. – М.: Знание, 1998. – 160 с.
5. Батищев В.В., Батищева Н.В. Осторожно: новые зарубежные технологии работы с наркологическими больными // Вопросы наркологии. – 2005. – № 6. – С. 54–67.
6. Бельков С.Н. Фенотипические особенности духовно-ориентированной реабилитации наркозависимых женщин // Наркология. – 2011. – Т. 10, № 2(110). – С. 94–99.
7. Бодалев А.А., Сухов А.Н. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. – 1987. – Т. 8, № 4. – С. 92–102.
8. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1981. – № 2. – С. 46–56.
9. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
10. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 2. – С. 58–75.
11. Виилма Л. Прощаю себе: в 4 т. – Екатеринбург: У-Фактория. – Т. 1, 2004. – 720 с.; Т. 2, 2007. – 640 с.
12. Гидденс Э. Социология / пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 1999. – 704 с.
13. Грязнов А.Н. Иерархия ценностей больных алкоголизмом // Неврологический вестник. Журнал им. В.М. Бехтерева. – 2005. – Т. 37, № 3–4. – С. 54–62.
14. Грязнов А.Н., Асылова З.Р. Интерперсональные отношения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией // Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 7–8. – С. 96–103.
15. Данилин А.Г. Трансовые состояния и экзистенциальная психология наркомании // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. – Минск: Харвест, 2007. – С. 274–293.
16. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб.: Речь, 2004. – 368 с.
17. Исцеление от «рая»: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости / под ред. Е.Н. Волкова. – СПб.: Речь, 2008. – 392 с.

18. Килина И.А. Теоретические предпосылки исследования проблемы деформации ценностно-смысловой сферы личности как фактора наркозависимости подростков // Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов / отв. ред. М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – Вып. 1. – С. 292–297.
19. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – № 1. – С. 141–170.
20. Лазарев С.Н. Воспитание родителей. Ответы на вопросы. – СПб.: Диля, 2009. – 240 с.
21. Лангоуни М.Д. Контрольный список характеристик культа // Журнал практического психолога. – 2000. – № 1–2. – С. 148–150.
22. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 354 с.
23. Международная Академия Трезвости. Собириология / под ред. проф. А.Н. Маюрова. – Н. Новгород, 2009. – 440 с.
24. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
25. Мюррей М. Метод М. Мюррей: международно признанный метод становления здоровой уравновешенной личности. – СПб.: Шандал, 2012. – 416 с.
26. Николаев В. Из рода в род. – М.: Софт Издат, 2010. – 208 с.
27. Патаки Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности: сб. ст. / отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова. – М.: Наука, 1989. – С. 145–158.
28. Пелипас В.Е. Этические проблемы реабилитации наркологических больных // Вопросы наркологии. – 2005. – № 6. – С. 42–53.
29. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Смысл, 1992. – 320 с.
30. Психологический анализ смыслообразующих факторов делинквентного поведения подростков / И.А. Кудрявцев, Г.Б. Морозова, А.С. Потнин [и др.] // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 5. – С. 76–89.
31. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
32. Россия реформирующаяся: ежегодник / под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 536 с.
33. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 176 с.
34. Сухарев А.В., Брюн Е.А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных рассогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 3. – С. 90–97.
35. Терещенко Н.В. Роль духовного фактора в работе с патологически зависимыми людьми // Философия и наука. – 2013. – Т. 12. – С. 237–241.
36. Трунов Д.Г. Религиозные организации и психотерапия // Журнал практического психолога. – 2000. – № 1–2. – С. 40–56.
37. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Моск. гос. университет, 1982. – С. 118–121.
38. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
39. Франкл В. Доктор и душа. – СПб.: Ювента, 1997. – 288 с.
40. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
41. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 400 с.
42. Хеллинггер Б. Источнику не нужно спрашивать пути. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2013. – 320 с.

43. Хоружий С.С. От синергийной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером // Хоружий С.С. Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергийная антропология. – Казань: Познание, 2009. – С. 6–20.
44. Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии (к проблеме Постчеловека) // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 767–786.
45. Чеснокова И.А. Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 260 с.
46. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомании. Патопсихология, клиника, реабилитация. – СПб.: Лань, 2001. – 464 с.
47. Шельгин К.В., Червина Н.А. Профилактика наркоманий и алкоголизма / под ред. П.И. Сидорова. – Архангельск: Сев. гос. мед. университет, 2007. – 55 с.
48. Ширшов В.Д., Ширшов С.В. Педагогическая сабриенология // Педагогіка та психологія: збірник наукових праць / за заг. ред. акад. І.Ф. Прокопенка, чл.-кор. В.І. Лозової. – Харків, 2011. – Вип. 40. – Ч. 3. – С. 140–146.
49. Eckhardt P. Selbstwert und Werterleben aus existenzanalytischer Sicht. Die Konstruktion des Selbstbeurteilungsfragebogens. – Wien: Unveröffentlichte Diplomarbeit, 1992. – 120 p.
50. Eckhardt P. Skalen zur Erfassung von existentieller Motivation, Selbstwert und Sinnerleben // Existenzanalyse. – 2001. – Vol. 18, № 1. – P. 35–39.
51. Frankl V.E. The Unconscious God: Psychotherapy and Theology. – New York: Simon and Schuster, 1975. – 161 p.
52. Henning J. Practical Narcotics Investigations: For the Uninformed Officer To The Experienced Detective. – New York: Xlibris, 2005. – 494 p.
53. Jaspers K. Philosophie: in 3 Bd. – 3 ed. – Berlin, 1956.
54. Jaspers K. Chiffren der Transzendenz. – München: Piper, 1984. – 320 p.
55. Jaspers K. Einführung in die Philosophie. – München: Piper, 1986. – 280 p.
56. Just for Today: Daily Meditations for Recovering Addicts. – New York: Narcotics Anonymous, 1992. – 389 p.
57. Krech G. Naikan: Gratitude, grace, and the Japanese art of self-reflection. – New York: Stone Bridge Press, 2001. – 220 p.
58. Längle A. Existenzanalyse – Existentielle Zugänge in der Psychotherapie. – Wien: Facultas, 2016. – 240 p.
59. Längle A. Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis // National Psychological Journal. – 2016. – № 4. – P. 23–33.
60. Längle A., Orgler C., Kundi M. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfilment // European Psychotherapy. – 2003. – Vol. 4, № 1. – P. 135–151.
61. Miki Y. Naikan Therapy – A Way of Self-Discovery and Self-Renewal. – New York: Weissman Press, 2015. – 54 p.
62. Narcotics Anonymous. – New York: Narcotics Anonymous, World Service Office, 2008. – 425 p.
63. Ozawa-de Silva Ch. Demystifying Japanese therapy: an analysis of Naikan and the Ajase complex through Buddhist thought // Ethos. – 2007. – Vol. 35, № 4. – P. 411–446.
64. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol. 36, № 6. – P. 556–563.
65. Re-examining Machiavelli: A three-dimensional model of Machiavellianism in the workplace / S.P. Kessler, A.C. Bandeiini, P.E. Spector [et al.] // Journal of Applied Social Psychology. – 2010. – Vol. 40, № 8. – P. 1868–1896.

66. Schuh J. Naikan The World of Introspection: Finding Inner Peace and Discovering Yourself. – Bielefeld: tao.de in J. Kamphausen, 2016. – 258 p.
67. Stanley A. How to quit drugs: how i survived 1000 days without drugs and learned to enjoy life (festival addict). – New York: NA, 2017. – 140 p.
68. Suzuki Y., Ueno H. Studies on sensory deprivation. III. Part 4. The effect of sensory deprivation upon "speed anticipation" and "time estimation" // *Tohoku Psychol. Folia.* – 1965. – Vol. 23. – P. 63–66.
69. The Narcotics Anonymous Step Working Guides. – New York: Narcotics Anonymous, 1998. – 24 p.
70. Unknown J. Living Clean: The Journey Continues. – New York: NA, 2012. – 258 p.
71. Wilde O. Lady Windermere's Fan. – London: Dover Publications, 2011. – 64 p.
72. Wilson D.S., Near D., Miller R.R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures // *Psychological Bulletin.* – 1996. – Vol. 119, № 2. – P. 285–299.

## Drug addiction and social instability: in search of the meaning of life and themselves. Part 2. Psychological and spiritual assistance in drug addiction

Arpentieva M.R.<sup>1, 2</sup>  
E-mail: mariam\_rav@mail.ru

<sup>1</sup> Tsiolkovskiy Kaluga State University  
26 Stepan Razin str., Kaluga, 248023, Russia  
Phone: +7 (4842) 57-80-38

<sup>2</sup> Yugra State University  
16 Chekhov str., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628012, Russia  
Phone: +7 (3467) 357-871

**Abstract.** One of the most destructive reactions to the social crisis is the loss of meaning of life. This crisis occurs because of the desire of man to become better and make the world a better place. It creates instability of relations in society. The reason is that many people only declare the desire for development and improvement. This fraud occurs as a result of the understanding that even those who are close to him and broadcast data as a common goal, not only become "better", but demonstrate the actions and attitudes experienced by man as a betrayal of moral values, a betrayal of ourselves and of other people. The social crisis and instability in social relations not only lead to disappointment in themselves and in people, but sometimes in a total despair to find true, immutable values-as the basis of being and meaningfulness of life, despair of finding in the world of people "true believers" living according to the laws of love. Some processes often-lead people to addiction, the treatment of which in the necessary way was be accompany by assistance in the restoration and realization of the meaning of life. Drug addiction as an attempt to resolve a conflict of values during periods of social instability leads people to seek out the meaning of life and of themselves. On this path, a person realizes either the strategy of transgression and desacralization, leading to the self-destruction and destruction of peace and culture, or the strategy of transcendence leading to the restoration and rehabilitation and development of man, society and culture.

**Key words:** drug addiction; the meaning of life; faith; betrayal; despair; frustration.

### For citation

Arpentieva M.R. Drug addiction and social instability: in search of the meaning of life and themselves. Part 2. Psychological and spiritual assistance in drug addiction. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 6, p. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-16050 [in Russian, abstract in English].